

Иреи Софи

Госпожа
ПОНЕВОЛЕ

В объятиях эльфов

18+

Ирен Софи Госпожа поневоле. В объятиях эльфов.

<https://litres.ru/73910574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я очнулась в мире, где правят женщины, а эльфы - прекрасные, золотоволосые, с фиолетовыми глазами - стали рабами. Их покупают, используют для утех. Меня назвали Призванной Мастерницей. Я не просила об этом. Я просто хотела выжить. Три года я привыкала к жестокости этого мира. И должна была принять его правила, а значит приобрести рабов. Теперь у меня их двое. А магия, которая течет между нами, становится сильнее с каждым днем. Говорят, я могу освободить их? Но цена цена может оказаться выше, чем я готова заплатить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	55
Глава 7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Госпожа поневоле. В объятиях эльфов.

Глава 1

Лидия

Я помню этот день так отчетливо, будто это было вчера, хотя с тех пор прошло уже три года, и за эти три года я успела похоронить старую себя, родиться заново и снова похоронить, потому что в этом мире иначе нельзя. Правила здесь простые: или ты ешь, или едят тебя, и жалость - роскошь, которую могут позволить себе только те, у кого есть армия слуг и магическая защита, а у меня не было ни того, ни другого, пока я не пришла сюда, в этот проклятый зал.

Аукцион «Золотой Грифон» находился в самом сердце столицы, напротив императорского дворца, и это соседство было символичным - власть и торговля всегда шли рука об руку, и чем ближе ты к трону, тем дороже твои грехи, и тем дороже твои игрушки. Здание было старым, и в его архитектуре чувствовалась та плавная, текучая грация, которую люди так и не научились копировать, сколько ни старались, - высокие стрельчатые арки, витражи с изображениями сцен из эльфийской истории, и под этими витражами, под этими

прекрасными изображениями их предков, эльфов продавали с молотка, и никто не видел в этом иронии, кроме меня, чужой, пришлой, той, кто еще не научилась смотреть на чужую боль со спокойным лицом, хотя за три года должна была бы научиться.

Я сидела в первом ряду, потому что первый ряд здесь означал не только деньги, но и статус, а статус мне был нужен, если я хотела выжить в этом городе, где каждый смотрит на тебя и оценивает - сколько у тебя золота, сколько связей, сколько силы, и если хотя бы один из этих параметров ниже определенного уровня, тебя сожрут и не подавятся. Платье, которое я купила специально для этого случая, стоило бешеных денег, темно-синий бархат с серебряным шитьем, глубокий вырез, открывающий ложбинку между грудями, потому что здесь женская грудь - тоже оружие, и если у тебя она есть, глупо не использовать это как преимущество. Рыжие волосы я собрала в высокую прическу, открывая шею, и сидела прямо, как палку проглотила, потому что сутулость здесь читалась как слабость, а слабых убивают, и не обязательно в переносном смысле.

Передо мной на возвышении стоял распорядитель - толстый, лоснящийся эльф, с маленькими глазками и утиными губами, которыми он улыбался так часто, что казалось, сейчас улыбка сожрет все его лицо. Он выкрикивал лоты один за другим, и я наблюдала, как эльфов выводили на свет, как их осматривали, как покупательницы поднимали таблички,

как эльфов уводили, и внутри у меня все переворачивалось, но лицо оставалось спокойным, потому что за три года я научилась носить маску так же хорошо, как эти бархатные перчатки, скрывающие мои руки.

Потому что здесь, в Эйрионе, все было устроено иначе, чем в моем мире. Но здесь правили женщины. Высшая власть, магия, наследование, контроль над ресурсами - все это принадлежало женщинам. Магия передавалась по женской линии, и чем сильнее была женщина, тем больше эльфов она могла себе позволить. Потому что эльфы здесь были только мужчинами, и предназначены они были только для одного - для утешения своих хозяек.

Я помню, как узнала об этом в первый месяц после попадания. Моя наставница, пожилая леди с жесткими глазами и мягкими руками, объясняла мне правила этого мира, и когда дошла до эльфов, я подумала, что ослышалась.

- Эльфы, дорогая, - говорила она, поправляя кружевные манжеты, - это наше главное сокровище и наше главное проклятие. Они прекрасны, они практически бессмертны, они магически одарены. И они созданы для того, чтобы служить нам. Их магия питается от нашей силы, а наша сила питается от их близости. Чем чаще ты пользуешься эльфом, чем глубже твоя связь с ним, тем сильнее становишься ты сама. Это круг, который нельзя разорвать. Поэтому каждая уважающая себя женщина имеет хотя бы одного эльфа в доме. Для защиты, для магии, для постели. А если у тебя их несколь-

ко... - она улыбнулась понимающей улыбкой, - ты можешь стать очень, очень могущественной.

Я тогда подумала, что это бред. Секс как источник силы? Использование живых существ как батареек? Но за три года я убедилась, что это правда. Я видела, как женщины, окруженные эльфами, расцветали, их магия была ключом, их глаза горели. Я видела и обратную сторону - эльфов, которые угасали, если хозяйка была слаба или жестока, эльфов, которых передаривали, продавали, меняли как перчатки, потому что надоели или потому что нашлись более сильные варианты.

И я поклялась себе, что никогда не стану частью этого. Никогда не буду покупать живое существо для собственного удовольствия. Никогда не буду использовать чужое тело как инструмент. Это было три года назад. До сегодняшнего дня.

- Лот сорок один, эльф из рода Горных Вершин, обучен музыке, танцам, искусству ублажения, идеален для дома или личного пользования, начальная цена - триста монет!

Вывели парня. Золотые волосы, фиолетовые глаза, тонкая талия, широкие плечи, узкие бедра - идеальные пропорции, выведенные годами селекции, потому что эльфов разводили как породистых собак, отбирая лучших, красивых, послушных, сильных. Он смотрел в пол и не поднимал глаз, и я видела, как дрожат его руки, как он сжимает пальцы в кулаки, как пытается держаться прямо, потому что здесь, на аукционе, нельзя показывать слабость - если ты покажешь слабость,

цена упадет, и тебя купит какая-нибудь мелкая сошка, у которой денег хватило только на бракованный товар.

Его купила дама в лиловом, в вуали, закрывавшей пол лица, что сидела справа от меня, молодая, красивая, с хищным разрезом глаз и пальцами, унизанными кольцами. Когда она подняла табличку, эльф поднял голову и посмотрел на нее, и в этом взгляде я увидела все - страх, надежду, обреченность, принятие. Он знал, что его ждет. Он знал и готовился. И от этого знания у меня свело желудок.

Потом были лот сорок три, сорок пять, сорок восемь. Эльфы-воины со сломанными душами, эльфы-ремесленники с тонкими пальцами, эльфы-юноши, которых продавали парами, потому что некоторые женщины предпочитали разнообразие сразу, не утруждая себя притиркой характеров. Я смотрела и считала про себя, сколько у меня денег, сколько я готова потратить, и зачем я вообще сюда пришла, если каждый лот разрывает мне сердце, а я сижу и молчу, потому что не могу купить всех.

Но следующий лот был сорок девятый. И когда объявили его, я забыла, как дышать.

- Лот сорок девять, - голос распорядителя взлетел до фальцета, потому что этот лот был особенным, и все в зале это знали. - Последний из рода Серебряных Ив. Настоящий дикий эльф. Непокорный, сильный, магически одаренный... хотя последнее мы надежно заблокировали. Осторожность, госпожи, этот экземпляр опасен. Убил троих предыдущих

хозяек. Но если вам нужен воин, если вам нужен страж, если вы хотите похвастаться перед подругами тем, что можете позволить себе такую роскошь - держать у себя дикого зверя на цепи - то этот лот для вас.

Решетка поднялась. И я увидела его. Я видела много красивых мужчин в своей жизни. Я видела моделей на подиумах, актеров на экранах, любовников в своей постели, которые были хороши собой ровно настолько, чтобы я захотела провести с ними ночь, но не настолько, чтобы запомнить их лица наутро. Я видела эльфов в этом мире - золотоволосых, фиолетовоглазых, прекрасных, как боги, и сломанных, как куклы. Но такого, как он, я не видела никогда.

Он был высок. Очень высок. Даже со сцены, даже стоя в цепях, сгорбившись под тяжестью железа, он возвышался над стражниками, которые его вывели, и над распорядителем, который подскочил к нему, чтобы продемонстрировать товар. Широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги, обтянутые грязными штанами, в которых угадывалась сила и мощь. Грудь - голая, вся в шрамах, старых и свежих, пересекающих кожу, и на шее ошейник - с печатью подчинения, которая пульсировала тусклым светом, сдерживая его магию, сдерживая его силу, сдерживая то, что делало его эльфом.

Волосы. Длинные, спутанные, грязные, они падали на плечи, закрывали часть лица, и даже в этом состоянии, они были прекрасны, потому что принадлежали ему, и в них чувствовалась та дикая, непокоренная красота, которую не мог-

ли сломать никакие цепи. Но самое страшное, самое прекрасное, самое пугающее - это были его глаза. Фиолетовые. Не те фиолетовые, что я видела у других эльфов - бледные, выцветшие, смиренные, смотрящие в пол. Его глаза горели. Темно-фиолетовые, почти черные, с золотыми искрами в глубине, они смотрели на толпу женщин, и в этом взгляде не было ни капли страха, ни капли покорности, ни капли надежды. Только ненависть. Чистая, концентрированная, вымороженная за сто лет рабства до состояния абсолютно нуля, ненависть, которая не ждет ничего, кроме смерти, и готова забрать с собой столько врагов, сколько успеет.

Когда его взгляд скользнул по залу, по этим холеным рукам, поднимающим таблички, по этим женщинам в дорогих платьях, которые пришли купить себе игрушку, я физически ощутила этот взгляд, как удар хлыста, как что-то ледяное и горячее одновременно, и когда он дошел до меня, когда наши глаза встретились, я забыла, как меня зовут.

Он смотрел на меня. Прямо в глаза. И в его взгляде не было ничего, кроме той же ненависти, что и для всех остальных, но мне показалось - хотя это, наверное, просто игра воображения, просто мое больное воображение, которое всегда ищет смысл там, где его нет, - мне показалось, что на секунду, на долю секунды, в этой фиолетовой бездне мелькнуло что-то еще. Я не знаю. Но в тот момент я поняла: если я уйду отсюда без него, я буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, сколько бы ее ни осталось.

- Начальная цена - пятьсот золотых! - выкрикнул распорядитель.

Тишина. Зал молчал. Покупательницы переглядывались, перешептывались, качали головами. Пятьсот монет за раба, который убил троих хозяек? Пятьсот монет за дикого зверя, которого придется держать в цепях и все равно он однажды перегрызет тебе глотку? Кому это нужно? Слишком опасно. Слишком дорого. Слишком много проблем.

- Четыреста пятьдесят, - поправился распорядитель, чувствуя, что цена не идет. - Четыреста пятьдесят, госпожи, это же последний из рода, это же редкость, это же...

- Пятьсот, - сказала дама в лиловом справа от меня.

Я повернула голову. Она смотрела на эльфа на сцене, и в ее глазах горел тот самый огонь, который я видела у многих женщин в этом мире - огонь собственницы, огонь охотницы, огонь той, кто уже представляет, как эта дикая кошка будет извиваться под ней, но не сдаваясь, и как она будет ломать его, пока не сломает окончательно.

Я представила его в ее руках. Представила, как она будет пытаться его своей властью, своей магией, своим телом. Как будет высасывать из него силу, не давая ничего взамен. Как он будет ненавидеть каждую секунду, каждое прикосновение, каждый вздох, пока ненависть не сожрет его изнутри.

- Пятьсот пятьдесят, - сказала я.

Дама повернулась ко мне. Оглядела. Усмехнулась.

- Шестьсот, рыжая. Играть вздумала? Это тебе не ярма-

рочные безделушки покупать. Это зверь. Ты с ним не справишься. Взгляни на себя.

Я посмотрела на эльфа на сцене. Он смотрел как мы торгуемся за него, как делим его шкуру, не спросив его мнения. В его глазах не было ничего. Абсолютная пустота, которая страшнее любой ненависти.

- Тысяча, - сказала я.

Зал ахнул. Дама в лиловом поперхнулась. Распорядитель замер с открытым ртом, забыв, что нужно дышать. Даже стражники, державшие цепи, переглянулись и посмотрели на меня с новым интересом.

- Тысяча монет, - повторила я, потому что мой голос вдруг стал чужим, твердым и спокойным, хотя внутри у меня все дрожало, все кричало, все требовало заткнуться и убежать, пока не поздно. - За лот сорок девять.

- Леди... леди Лидия из дома Валлье предлагает тысячу золотых! - распорядитель наконец обрел дар речи и завопил так, что, наверное, в императорском дворце услышали. - Тысяча монет! Кто больше? Кто заявит больше?

Никто не заявил. Даже дама в лиловом, побелевшая от злости, сидела молча и сверлила меня взглядом, которым обычно сверлят тех, кому собираются перерезать горло темной ночью.

- Продано! - молоток ударил по дереву, и звук этот отозвался у меня в позвоночнике, прошел по всему телу, застрял где-то внизу живота тяжелым, пульсирующим теплом.

- Лот сорок девять, эльф Иллирион, продан леди Лидии из дома Валлье!

Что я наделала? Тысяча золотых. Половина всего, что у меня было. Я только что потратила половину своих накоплений за три года на эльфа, который, судя по всему, убьет меня при первой же возможности.

Стражники повели его со сцены. Он проходил мимо моего кресла, и я чувствовала его приближение за несколько шагов - сначала просто вибрацию, потом напряжение, потом сам воздух как будто сгустился вокруг него, стал тяжелым, давящим.

Он остановился. Прямо напротив меня. Стражники дернули цепи, но он не сдвинулся с места, и они, видимо, решили не связываться, потому что кто знает, на что способен этот бешеный, даже в оковах.

Он наклонился. Очень медленно. Его лицо приближалось к моему, и я видела каждую деталь - тонкие, красиво очерченные губы, сжатые в прямую линию, высокие скулы, длинные ресницы, отбрасывающие тени на щеки, и глаза, его фиолетовые глаза, в которых была только ненависть, такая плотная, такая осязаемая. Он наклонился к моему уху. Губы почти касались моей кожи. И он прошептал голосом, похожим на шелест сухой листвы.

- Ты совершила ошибку, женщина. Ты купила свою смерть.

Я должна была испугаться. Я должна была отшатнуть-

ся, закричать, позвать стражу. Вместо этого я подняла руку. Глядя ему прямо в глаза, я протянула пальцы и коснулась его ошейника. Железо обожгло подушечки, и сквозь магические блоки, сквозь сто лет ненависти и боли, я почувствовала его. Ток. Слабый, едва уловимый, но настоящий. Его магия откликнулась на мое прикосновение.

- Я покупаю не смерть, - сказала я тихо, так тихо, что только он мог слышать. - Я покупаю ключ к тайне, которую ты хранишь. И поверь, Иллирион, у меня хватит терпения, чтобы ее разгадать.

Он замер. В его глазах мелькнуло что-то, кроме ненависти. Растерянность? Удивление? Но между нами что-то происходило. Что-то, чему я не могла найти названия.

Потом стражники дернули цепи, чтобы подготовить его к передаче, и он ушел. А я осталась сидеть, чувствуя, как дрожат мои руки, как колотится сердце, как внизу живота разливается тепло, которое я не испытывала уже очень давно. С тех пор, как попала в этот мир. С тех пор, как умерла старая Лидия. Я смотрела, как уводят моего эльфа, моего дикого, опасного, прекрасного эльфа, и думала только об одном: что, черт возьми, я буду делать с ним дальше? Потому что одно дело - купить раба на аукционе. И совсем другое - жить с ним под одной крышей, зная, что каждую ночь он может войти в твою спальню и перерезать тебе горло. И почему от этой мысли у меня перехватывает дыхание и становится жарко?

А потом случилось еще что-то непонятное. Ко мне подве-

ли другого эльфа - необыкновенно красивого, с стройным, но сильным телом, с золотыми локонами ниже плеч.

- Вам подарок от тайной покровительницы, - произнес ведущий.

- Кто она? – удивилась я.

- Это просили оставить в тайне, - чуть поклонился ведущий. – Но она восхищена вашим упорством.

Я встала, поправила платье, кинула последний взгляд на даму в лиловом, которая все еще сверлила меня глазами, и пошла к выходу, оставляя за спиной гул голосов, стук молотка и то странное чувство, что только что я подписала себе смертный приговор. Или купила билет в жизнь, о которой всегда мечтала и боялась признаться даже себе.

Глава 2

Лидия

Я помню тот вечер в Питере так отчетливо, будто это было вчера, хотя с тех пор прошло три года, и за эти три года я успела забыть вкус нормального кофе, вид из окна на Невский и то, как пахнет дождь, настоящий питерский дождь, а не эти магические осадки, которые здесь выпадают, когда какая-нибудь сильная женщина не справляется со своей магией и прорывает энергетические слои где-то над городом, и тогда с неба сыплется что-то, отчего лучше прятаться под крышу, если не хочешь покрыться светящейся сыпью и провести неделю в магическом лазарете.

Тот вечер был обычным, до отвращения обычным, настолько обычным, что я даже не запомнила число, хотя должна была бы выжечь его в памяти каленым железом, потому что именно в этот обычный вечер моя обычная жизнь кончилась, и началась жизнь, которую я никогда не планировала и уж точно не заказывала.

Я работала. Я всегда работала. Реставрация - это не та профессия, где можно позволить себе лениться, особенно если ты хочешь есть не только доширак, но иногда и нормальную еду, и особенно если ты хочешь когда-нибудь перестать снимать комнату и въехать в свою собственную квартиру, пусть маленькую, но свою. В тот вечер я работала

над портретом восемнадцатого века - очередной бездарный купец с пустым лицом и толстыми пальцами, увешанными перстнями, которых на самом деле у него никогда не было, потому что художник польстил заказчику, пририсовав ему те перстни, которых тот не носил, но очень хотел бы носить, чтобы все видели, какой он богатый и важный.

За окном шел дождь. Мелкий, противный, питерский дождь, который моросит часами, не переставая, и от которого сырость пробирается во все щели, в одежду, в кости, в душу. Я сидела в мастерской, под люминесцентной лампой, которая давала ровный белый свет, необходимый для работы, и скребла маленьким скальпелем старый лак, слой за слоем, миллиметр за миллиметром, возвращая краске жизнь, которой у нее уже не было двести лет.

Я думала о том, что надо бы позвонить маме. Она в последнее время часто спрашивала, не встретила ли я кого-нибудь, не пора ли уже родить ей внуков, не надоело ли мне возиться с этими старыми тряпками и досками. Я отнекивалась, говорила, что еще успею, что сначала надо встать на ноги, что двадцать восемь лет - это не возраст, что в Европе в сорок рожают и ничего. Мы обе знали, что я вру. Что не встречу. Не потому что не могу, а потому что не хочу так, как надо, как принято, как мама хочет. Потому что все мужики, которых я встречала, были или придурками, или женатыми, или просто не стоило тратить на них время, которого у меня и так в обрез.

Я скребла лак и думала о маме, и о мужиках, и о том, что надо бы купить хлеба на завтра, потому что утром магазины еще закрыты, а без тоста кофе - не кофе. И вдруг воздух стал густым. Я не знаю, как это объяснить человеку, который никогда не испытывал ничего подобного. Представьте, что вы дышите не воздухом, а сиропом. Густым, сладким, липким, который заполняет легкие не кислородом, а чем-то другим, тяжелым, отчего кружится голова и хочется закрыть глаза и провалиться в сон. Я закашлялась, отбросила скальпель, вскочила со стула, и в этот момент краска на портрете - та самая краска, которой двести лет, которая высохла, растрескалась, превратилась в корку, которую я отскребала часами, - эта краска начала плавиться.

Она текла по холсту, как живая, как расплавленный металл, как лава, и цвета смешивались в дикую, невозможную гамму, и в центре этого месива образовалась воронка, золотая, слепящая, которая росла, разворачивалась, затягивала в себя свет, воздух, меня.

Я хотела закричать. Я открыла рот. И воронка засосала меня вместе с криком, вместе со страхом, вместе с мыслью о том, что хлеб я так и не купила.

Сознание вернулось рывками. Сначала - звук. Чей-то голос, высокий, женский, читающий что-то на непонятном языке. Слова перекатывались во рту говорящей, как камешки, гортанные, резкие, чужие. Потом - свет. Яркий, режущий глаза, пробивающийся сквозь веки алым. Я зажмури-

лась сильнее, но свет не уходил, он проникал сквозь кожу, сквозь мозг. Потом - боль. Голова раскалывалась так, будто по ней прошлись отбойным молотком. Тело не слушалось, было чужим, тяжелым, неподъемным. Я попыталась пошевелить пальцами - не вышло. Попыталась открыть глаза - получилось с третьей попытки, и тут же я пожалела об этом, потому то, что я увидела, не поддавалось никакой логике.

Надо мной стояли люди. Много людей, в тяжелых мантиях, с капюшонами, надвинутыми на лица. Они окружали каменное ложе, на котором я лежала, и смотрели на меня с таким благоговением, с таким трепетом, что мне стало не по себе. В руках у них были свечи - восковые, с живым пламенем, и это пламя отбрасывало тени на стены какого-то помещения, очень древнего, с каменными сводами и фресками, на которых были изображены эльфы.

Я узнала их сразу, хотя никогда в жизни не видела эльфов вживую. Длинные золотые волосы, фиолетовые глаза, острые уши, изящные фигуры - они смотрели со стен, с потолка, с алтаря, на котором я лежала, и в их глазах застыла такая тоска, такая боль, что у меня защемило сердце.

- Призванная Мастерница очнулась, - произнесла женщина, стоявшая ближе всех. Она сдвинула капюшон, и я увидела лицо - красивое, властное, с тяжелыми веками и тонкими губами. - Приветствуем тебя в Эйрионе.

Я попыталась заговорить, но горло перехватило спазмом. Я закашлялась, села на этом проклятом камне, и только то-

гда заметила, что я голая. Совершенно голая, в чем мать родила, и на мне нет ни одного клочка одежды, а вокруг стоят незнакомые люди и смотрят на меня с этим их дурацким благоговением.

- Где моя одежда? - прохрипела я. - Кто вы? Где я?

- Ты в святилище Перехода, - ответила женщина. - Ты была призвана из другого мира, чтобы спасти нас. Ты - Мастерница, та, что умеет возвращать жизнь мертвым вещам. Та, что нужна нам.

Я слушала ее и думала, что это сон. Просто сон, просто кошмар, просто я переработала, перепила кофе, и сейчас проснусь в своей мастерской, под люминесцентной лампой, и буду дальше скрести лак с этого дурацкого портрета. Я не проснулась.

- Дайте мне одежду, - повторила я. - И объясните все по порядку. С самого начала. И если это розыгрыш, клянусь, я найду способ подать на вас в суд.

Они не поняли про суд, но одежду дали. Длинное платье из грубой шерсти, которое кололось и натирало кожу, но лучше колючая шерсть, чем быть голой перед толпой незнакомцев.

Потом был долгий разговор. Настолько долгий, что я переслушала кучу информации, половину не поняла, четверть не запомнила, а оставшуюся четверть приняла к сведению.

Эйрион. Мир, где правят женщины. Где магия течет в крови, передаваясь по материнской линии. Где когда-то жили

эльфы - могучая раса, бессмертная, прекрасная, владеющая тайнами, которые людям и не снились. Где люди и эльфы воювали сотни лет, пока люди не победили.

Не магией победили - их магия всегда была слабее эльфийской. Не числом - эльфов было меньше, но каждый стоил десятка людей. Люди победили хитростью, подлостью, предательством. Они отравили источники силы, убили детей, сожгли леса. Они заставили эльфов сдаться, а когда те сдались, надели на них ошейники, блокирующие магию, и превратили в рабов.

Теперь эльфы - мужчины, только мужчины, потому что женщины-эльфы были убиты практически все до одной во время войны. Эльфы мужчины живут в человеческих домах, служат человеческим женщинам, убажуют их, отдают им свою силу через близость, через прикосновения, через постель. Это называется "связь". Чем чаще женщина пользуется эльфом, чем глубже их контакт, тем сильнее становится женщина. А эльф... ну, эльф просто существует. И ждет смерти. Потому что бессмертные, они не могут умереть сами, но их можно убить, и многие женщины убивают своих эльфов, когда те надоедают, или когда нужна большая магическая вспышка для какого-нибудь ритуала. Я слушала это и чувствовала, как внутри меня поднимается тошнота.

- Я не хочу здесь оставаться, - сказала я, когда рассказчица замолчала. - Отправьте меня обратно. Я не просила меня призывать. Я не хочу быть вашей Мастерницей. Я реставра-

тор, я работаю с красками, с деревом, с камнем, я не умею воевать, не умею колдовать, не умею пользоваться рабами. Отправьте меня домой.

Женщина посмотрела на меня с сожалением.

- Обратного пути нет. Переход открывается раз в тысячу лет, и только в одну сторону. Ты здесь навсегда. Ты можешь выбрать - стать инструментом в руках императрицы, выполнять ее приказы, восстанавливать артефакты для ее армии, жить во дворце под постоянным присмотром. Или ты можешь попытаться выжить самостоятельно. У тебя есть дар - редкий дар, нужный дар. Ты можешь зарабатывать реставрацией, как делала в своем мире. Но для этого тебе нужна защита. Потому что здесь, если у тебя нет защиты, тебя сожрут в первый же день.

Я выбрала второе. Конечно, я выбрала второе. Я не собиралась становиться чьим-то инструментом, чьей-то собственностью. Я лучше буду сама по себе, даже если это значит рисковать, даже если это значит бороться за каждый кусок хлеба.

Мне дали минимальные средства на первое время, документы, подтверждающие происхождение от какого-то древнего, но обедневшего рода, и отправили в столицу. В город, где правили сильнейшие женщины мира, где за каждым углом тебя подстерегала опасность, и где единственным товаром, который ценился выше золота, были эльфы.

Три года. Три года я выживала. Работала день и ночь, вос-

становливалась старые картины, древние артефакты, порванные свитки. Ко мне приходили женщины - богатые, властные, с холодными глазами и длинными пальцами, униженными кольцами. Они приносили мне свои сокровища, свои семейные реликвии, свои трофеи. Я возвращала им жизнь, а они платили мне золотом, иногда щедро, иногда скупой, но всегда с таким выражением лица, будто делали мне одолжение.

Я научилась торговаться. Я научилась смотреть им в глаза и не отводить взгляд. Я научилась улыбаться, когда хотелось плакать, и молчать, когда хотелось кричать. Я выучила их язык, их обычаи, их законы. Я стала своей в этом чужом, жестоком мире. Но одно я не могла принять никогда. Одно я обходила стороной, делала вид, что этого не существует, прятала голову в песок, как страус. Эльфы.

Я видела их каждый день. На улицах, в сопровождении своих хозяек. В лавках, куда они заходили за покупками. В домах богатых клиенток, где они прислуживали за столом, подавали вино, стояли у стен, безмолвные и прекрасные. Я видела, как женщины касались их, как гладили по волосам, как шептали что-то на ухо, и от этих прикосновений эльфы вздрагивали, но не смели отстраниться. Я видела, как в их фиолетовых глазах гас свет, год за годом, пока не оставалась только пустота.

Я говорила себе, что это не мое дело. Что я здесь чужая. Что у меня нет права лезть в чужие традиции, в чужую куль-

туру, в чужую жизнь. Что если я начну вмешиваться, меня просто убьют, и никто даже не вспомнит, что я существовала.

Я говорила себе это три года. И почти поверила. Почти. Пока не услышала объявление о лоте сорок девять. Пока не встретила взглядом с фиолетовыми глазами, в которых еще горел огонь, еще жила ненависть, еще теплилась жизнь. И я поняла, что больше не могу прятаться.

Что если я упусти его, если позволю какой-нибудь стерве с холодными глазами купить его и сломать, как сломали тысячи других, я никогда себе этого не прощу. Что я лучше потрачу все свои сбережения, лучше останусь без гроша, чем еще одну ночь буду лежать в своей постели и представлять, как он умирает, медленно и мучительно, в чужих руках.

Тысяча золотых. Половина всего, что я заработала за три года каторжного труда. Но когда я смотрела, как уводят моего эльфа, моего дикого, опасного, прекрасного эльфа, я не жалела ни об одной потраченной монете. Я жалела только о том, что не знаю, что делать дальше.

Как обращаться с рабом, который ненавидит тебя всей душой? Как спасти того, кто не хочет, чтобы его спасали? Как приручить дикого зверя, не превратив в такую же куклу, как те, что стоят в углах богатых домов и смотрят в пол пустыми глазами?

А этот красавчик с сиреневыми глазами и улыбкой как у модели? Зачем мне еще один раб? Что я с ним буду делать?

Я не знала ответов. Но я знала одно: я попробую. Я сделаю все, что смогу. Даже если меня убьют в первую же ночь - по крайней мере, я умру, зная, что попыталась. А это, наверное, больше, чем многие могут сказать о своей жизни.

Я вышла из аукционного зала, села в экипаж, назвала адрес своего дома, и всю дорогу смотрела в окно на проплывающие мимо улицы, на прохожих, на эльфов, сопровождающих своих хозяек, и думала о том, что моя жизнь только что изменилась навсегда. И почему-то, вопреки всему страху, вопреки всем рискам, вопреки здравому смыслу, я улыбалась. Потому что впервые за три года я сделала что-то по-настоящему свое. Не потому, что надо выжить. Не потому, что так принято. А потому, что так захотела я. И это чувство стоило тысячи монет.

Экипаж остановился у моего дома. Старого, запущенного, но моего. Я вылезла, расплатилась с возницей и вошла внутрь, чувствуя, как колотится сердце. С минуты на минуту привезут их. Моих эльфов. Мое безумие. Я села в кресло в гостиной, сложила руки на коленях и стала ждать. Интересно, они сразу попытаются меня убить или сначала осмотрятся?

Глава 3

Иллирион

Я пытался вспомнить, как это было - до. До цепей, до ошейника, до того, как мое тело перестало принадлежать мне и стало просто инструментом, вещью, товаром. До того, как я узнал на вкус каждую унижительную позу, каждое прикосновение, от которого хотелось выть, но приходилось молчать, потому что крик доставляет им удовольствие, а я поклялся никогда не давать им этого удовольствия.

Сто лет рабства. Сто лет я - игрушка для женщин этого мира. Сто лет мое тело используют, трахают, высасывают из него силу, а я лежу и смотрю в потолок, представляю, как их руки - чужие, влажные, требовательные - превращаются в пепел. Каждую ночь я представляю это в деталях. Как горит их кожа. Как плавится плоть. Как они кричат - по-настоящему кричат, не от удовольствия, а от боли, от ужаса, от понимания, что сейчас умрут.

Это единственное, что меня держит. Мечты о смерти. Их смерти. Моей смерти. Мне уже все равно, в каком порядке.

Меня зовут Иллирион. Когда-то это имя значило «рожденный в сиянии». Теперь это номер лота. Сорок девять. Товар с пометкой «опасен». Убил трех хозяек. Не рекомендуется для начинающих. Только для опытных, сильных, тех, кто уверен, что сможет удержать зверя на цепи.

Третью я убивал особенно долго. Она была любимой фрейлиной самой императрицы Изабель Вайра. Я знал, что Вайра этого не простит. Знал, что меня ждут пытки, после которых те, что были, покажутся детскими играми. Но когда я сжимал горло этой твари, глядя в ее выпученные глаза, я улыбался. Потому что знал - это больно ударит по самой Вайре. Пусть знает, что даже ее приближенные не в безопасности. Пусть знает, что я достану каждую, кто носит ошейник на эльфе. Пусть знает, что ее очередь тоже придет.

Императрица пришла в тюрьму лично. Смотрела, как меня пытаются. Сидела в кресле, пила вино и улыбалась той же улыбкой, какой я улыбался, убивая ее фрейлину. Красивая. Холодная. Безумная. «Ты мой, Иллирион, - шептала она, когда я терял сознание от боли. - Рано или поздно ты будешь моим. Я заставлю тебя ползать передо мной на коленях и умолять, чтобы я позволила тебе служить мне». Я плевал в нее кровью. Она смеялась.

Не смогла. Но и убить не дала - слишком дорогая игрушка. Отправила на аукцион, чтобы другие попробовали. Чтобы я знал: она все равно снова купит меня, когда я окончательно созрею для ее рук.

Дура. Все вы дуры. Никто не может удержать зверя, если зверь решил, что пора умирать.

Сейчас я стоял на сцене. Свет бил в лицо, слепил, но я привык не щуриться - не доставлять им удовольствия видеть мою слабость. Стоял прямо, смотрел в зал, на женщин, ко-

которые пришли меня покупать. Десятки глаз. Голодных, оценивающих, похотливых. Они смотрят на мое тело, на то, что между ног, и я знаю, о чем они думают. О том, как я буду внутри них. О том, какую силу они смогут из меня выкачать. О том, как будут хвастаться подругам: «У меня дикий эльф, настоящий, из последнего рода, убил трех хозяек, а я его укротила».

Ни одна не укротит. Я уже все решил. Четвертую убью. Может быть, не сразу. Может быть, придется подождать, притвориться, сделать вид, что ломаюсь. Я умею ждать. Сто лет ждал, подожду еще.

И тут я увидел ее. Первый ряд. Молодая. Рыжие волосы, собранные в высокую прическу, открывают шею - тонкую, бледную, без украшений. Платье темно-синее, дорогое, но сидит на ней не так, как на этих холеных стервах, которые носят шелка с пеленок. Чуть неловко, чуть непривычно, будто она не срослась с этой одеждой, будто надела ее специально для сегодняшнего дня.

И глаза. Зеленые. Смотрели на меня не как на мясо. Не как на игрушку. Не как на инструмент. А как... Я не знаю, как. Я забыл, как смотрят по-другому. Сто лет забывал. Но что-то в этом взгляде заставляет меня замереть, вглядеться, попытаться понять.

Кто ты, рыжая? Почему ты не облизываешься, глядя на меня? Почему в твоих глазах нет этого голода, который я вижу у всех?

Распорядитель объявил цену. Пятьсот. Четыреста пятьдесят. Торг вялый - кто захочет покупать бешеного, если можно взять молоденького, послушного, который будет делать все, что прикажут, и улыбаться при этом?

- Пятьсот, - сказала женщина в лиловом справа от рыжей.

Я посмотрел на нее. На эту женщину в лиловом. И внутри все заледенела.

Вайра. Здесь. Собственной персоной. Пришла подстегнуть мою продажу. Пришла убедиться, что я никуда не денусь. Что меня вряд ли кто-то купит. В ее глазах - предвкушение. Она знала, что рано или поздно я вернусь к ней. Что никто не сможет меня удержать, и она получит меня обратно, еще более сломленного, еще более покорного.

- Пятьсот пятьдесят, - ответила рыжая.

В ее взгляде - страх. Не за себя. За меня. Она боялась за меня. Это невозможно. Этого не может быть. Люди не боятся за эльфов. Люди не видят в нас ничего, кроме функции. Функция трахать. Функция давать силу. Функция украшать дом. Если эльф умирает - покупают нового.

Почему ты боишься за меня, рыжая? И главное - знаешь ли ты, кому собираешься перейти дорогу?

- Шестьсот, - Вайра усмехнулась. - Играть вздумала? Это тебе не ярмарочные безделушки покупать. Это зверь. Ты с ним не справишься.

- Тысяча, - сказала рыжая.

Зал ахнул. Императрица подавилась воздухом. Распоря-

датель открыл рот и забыл его закрыть. Тысяча монет за бешеного эльфа, которого никто не хотел брать за пятьсот. Тысяча - это состояние. Это половина хорошего дома. Это год жизни безбедного существования. Зачем, рыжая? Зачем тебе это? И знаешь ли ты, что только что нажила врага в лице самой могущественной женщины империи?

- Продано леди Лидии из дома Валлье! - молоток ударил по дереву, и этот звук отдался у меня в позвоночнике, в черепе, в самой глубине, где еще теплилось что-то живое.

Леди Лидия. Рыжая. Моя новая хозяйка.

Стражники потащили меня со сцены. Проходя мимо нее, я остановился. Не знаю, зачем. Тело сделало это само. Я наклонился к ее уху, чувствуя, как стражники напряглись. Мне плевать. Я должен сказать ей что-то. Что-то, что вернет все на свои места. Что-то, что напомнит ей, кто я и кто она.

- Ты совершила ошибку, человек. Ты купила свою смерть.

Она должна была испугаться. Должна была отшатнуться. Вместо этого она подняла руку. Глядя мне прямо в глаза - коснулась моего ошейника. И через металл, через магию, через все блоки я почувствовал ее. Моя магия - та, что спала во мне сто лет, заблокированная, задавленная, почти мертвая - шевельнулась. Потянулась к ней.

- Я покупаю не смерть, - произнесла она так тихо, что услышал только я. - Я покупаю то, что мне нужно. И поверь, Иллирион, у меня хватит сил, чтобы это удержать.

Что ей нужно? Зачем она это делает? И почему мое тело -

мое гребаное тело, которое должно ненавидеть ее - реагирует на ее прикосновение так, как не реагировало ни на одну за сто лет?

Краем глаза я увидел Вайру. В ее взгляде - такая ненависть, такая жажда убийства, что даже мне стало не по себе. Она не простит этой рыжей. Ни сегодняшнего унижения, ни того, что я ушел из-под носа. Она будет мстить. Вопрос только - когда.

Стражники увели меня. Рыжие волосы. Зеленые глаза. Тонкие пальцы, которые касались моего ошейника. И где-то на периферии - лиловый силуэт императрицы, уже плетущей свою паутину.

Впервые за сто лет я не знал, чего ждать. И впервые за сто лет мне не было все равно, что будет дальше.

Глава 4

Кай

Меня звали Кай, и я был профессиональным лжецом. Это не всегда было так. Когда-то, очень давно, в другой жизни, которую я почти забыл, меня звали Кайландир, и я был младшим сыном в семье ремесленников. Мы делали арфы. Самые лучшие арфы в Эйрионе. Наши инструменты стояли во дворцах, в храмах, в домах знати. Отец говорил, что арфа - это душа, облеченная в дерево и струны, и тот, кто умеет делать арфы, умеет слышать душу мира.

Я слышал. До сих пор слышал, хотя от той жизни остались только привычка улыбаться, когда хотелось выть.

Потом пришли люди. Сначала мы не поняли, что это конец. Думали, очередная война, очередные разборки, очередные потери, которые можно пережить. Мы не знали, что они отравили источники. Не знали, что у них есть ошейники, блокирующие магию. Не знали, что наши женщины - матери, сестры, дочери - будут убиты все до одной, чтобы мы не могли продолжить род.

Я помнил тот день. Помнил, как горел наш дом. Как отец пытался защитить мать и захлебнулся кровью, даже не успев добежать до порога. Как сестру, маленькую, тоненькую, с косичками до пояса, выволокли за волосы на улицу и...

Я не вспоминал это. Никогда. Потому что, если бы я начал

вспоминать, улыбка сползла бы с моего лица, и я бы закрычал, бросился на стену, пока не разбил голову вдребезги. А умирать было рано. Я еще не все долги раздал.

После той ночи меня продали. Я был молод, красив, золотоволос - идеальный товар. Первая хозяйка купила меня для "воспитания". Ей нравилось ломать строптивых. Я был строптивым ровно две недели. Потом понял: если я буду рычать и кусаться, меня убьют, и никто даже не вспомнит, что я жил. А если я буду улыбаться и делать все, что она скажет, я останусь жив. И когда-нибудь, может быть, смогу отомстить. Я выбрал улыбку.

С тех пор прошло много лет. Я сменил десятки хозяек. Молодых и старых, красивых и уродливых, добрых и жестоких. Я трахал их всех. Иногда поодиночке, иногда группами. Иногда так, что они кричали от удовольствия, иногда так, что кричали от боли. Я делал все, что они хотели. Я стал лучшим. Самым желанным. Тем, о ком хозяйки шептались в гостиных: "У нее тот самый Кай, понимаешь, тот самый, он умеет такие вещи..."

Я умел. Я научился всему, чему можно было научиться за сто лет рабства. Я знал, как коснуться женщины, чтобы она растаяла. Как войти в нее, чтобы она забыла свое имя. Как смотреть на нее, чтобы она думала, будто я люблю ее, только ее, всегда ее.

Я лгал. Всегда. Каждым прикосновением, каждым взглядом, каждым стоном, который я выдавливал из себя, когда

они кончали на мне. Я лгал так хорошо, что иногда сам начинал верить. А потом наступало утро, и я смотрел в потолок, и ждал, когда все это кончится.

Трижды меня возвращали. Не потому, что я плохо трахался, - я трахался лучше всех. А потому, что хозяйки чувствовали фальшь. Чувствовали, что за моей улыбкой ничего нет. Что я не люблю их, не хочу их, не получаю удовольствия. Что я просто делаю свою работу, и делаю ее хорошо, но внутри меня - пустота.

Женщины боялись пустоты. Они хотели, чтобы рабы их хотели. Чтобы эльфы таяли в их руках. Чтобы между нами была "связь", которая давала им силу. А с пустотой связи не бывало.

Поэтому меня возвращали. Три раза. И в конце концов отправили на аукцион для "трудных" экземпляров. Туда, где продавали таких, как я - сломанных, но красивых. Опасных, но желанных.

Императрица. Сама Изабель Вайра. Она, та, что сейчас сидела в первом ряду на аукционе. Меня привели к ней перед тем как отдать той, что захочет меня выкупить. Она изучала меня долго, очень долго. Потом встала, подошла, обошла вокруг, касаясь пальцами моих плеч, спины, волос.

- Ты будешь моим подарком той рыжей выскочке, - сказала она наконец. - Леди Лидии из дома Валлье. Она купила то, что должно было принадлежать мне. Иллириона. Дикого зверя, которого я хочу сломать десять лет.

В ее голосе была такая ненависть, что мне стало не по себе. Но я продолжал улыбаться.

- Что я должен делать, ваше величество?

- Ты будешь смотреть, слушать и докладывать. Мне. Лично. Каждую неделю приносишь донесение. Особенно следи за диким. Что он делает, что говорит, как смотрит на хозяйку. Все, что покажется важным.

Она наклонилась ко мне, взяла за подбородок, заставила смотреть в глаза.

- Сделаешь хорошо - получишь свободу. Настоящую. Я дам тебе документы, золото, отправлю куда захочешь. Сделаешь плохо - умрешь медленно. Очень медленно. Я умею делать больно, Кай. Спроси у Иллириона, если не веришь.

Я улыбнулся и поклонился. Я всегда улыбаюсь.

- Я сделаю все, что прикажете, ваше величество.

- Знаю. Потому и выбрал тебя. Ты умеешь угождать. Умеешь втираться в доверие. Умеешь делать так, чтобы хозяйка была тобой довольна. Вот и будь довольным. А я посмотрю, как долго продлится твое счастье.

Свобода. Настоящая свобода. О которой я мечтал сто лет. Она была так близко - всего лишь предать ту, которую я даже не знал.

Я не думал тогда, что это будет трудно. Я предавал и раньше - доносил на других эльфов, чтобы выслужиться перед хозяйками, чтобы получить лишний кусок хлеба, чтобы избежать наказания. Это была игра, в которой выживали все.

Я не считал это предательством - я считал это выживанием.

Но когда я увидел ее - рыжую, зеленоглазую, смотрящую на меня не как на мясо, а как на... я не знаю, как на кого, - внутри что-то дрогнуло.

И вот я оказался у нее, у новой хозяйки. В доме, где меня вели не в подвал, а в комнату. Настоящую комнату, с кроватью, с окном, с ванной. Я не поверил. Решил, что это ловушка. Какая-то новая пытка. Сначала дать надежду, а потом уничтожить окончательно. Я проходил это. Много раз.

Я мылся в горячей воде, смывал с себя грязь аукциона, грязь предыдущих хозяек, грязь ста лет. Смотрел на свои руки - руки, которые касались столько тел, что я сбился со счета, - и думал о Лидии.

Рыжая. Двадцать пять, не больше. С зелеными глазами и веснушками на носу. Она смотрела на меня, и в ее взгляде не было ни похоти, ни презрения. Только любопытство. И еще что-то... что-то, чему я не мог дать названия.

И Иллирион. Который принял мое соседство с насмешкой. Иллирион, который стоял за ее спиной как страж. Иллирион, который смотрел на меня так, будто я мог ей навредить. Это было интересно. И это усложняло мою миссию.

Я оделся в чистую одежду, которую мне оставили, и вышел в коридор. Дом был большой, старый, запущенный. Я пошел по коридору, прислушиваясь, впитывая, запоминая. Западное крыло, где меня поселили. Восточное крыло, где жила она и где, судя по всему, поселили Иллириона.

Я подошел к лестнице, ведущей наверх, и остановился. Мне не запрещали ходить по дому. Но я знал правила: новые рабы должны сидеть в своих комнатах и ждать, пока хозяйка позовет. Особенно такие, как я, с репутацией проблемных.

Но мне было плевать. Я хотел увидеть ее снова. Хотел понять, что это за женщина, которая платит тысячу монет за убийцу. И заодно начать выполнять задание императрицы.

Я поднялся на второй этаж. Прошел по коридору восточного крыла. Комнаты напротив - одна закрыта, другая приоткрыта. Из приоткрытой лился свет. Я подошел ближе. Заглянул.

Она сидела за столом, спиной к двери, и что-то писала при свете магического светильника. Рыжие волосы распущены, падали на плечи, закрывали лицо. На ней была простая ночная рубашка, тонкая, сквозь которую угадывались очертания тела.

У меня пересохло во рту. Она была красивой. Не той красотой, которой славились аристократки, а настоящей, теплой. И в ней было что-то, что заставило меня забыть, кто я и где я. Что-то, от чего моя фальшивая улыбка стала чуть менее фальшивой. Она повернулась. Посмотрела на меня. В ее зеленых глазах было удивление, но не страх.

- Кай? - спросила она. - Ты не спишь?

- А вы? - ответил я, входя без приглашения. - Сидите тут одна, в такой поздний час. Не бойтесь?

- Чего? - она откинулась на спинку стула, разглядывая ме-

ня. - Тебя?

- Например.

Она усмехнулась. Усмешка у нее вышла кривой, ироничной, совсем не похожей на те улыбки, которыми женщины обычно встречали эльфов.

- Если бы ты хотел меня убить, ты бы не заглядывал в дверь. Ты бы просто вошел и сделал это. А ты заглядываешь. Значит, тебе нужно что-то другое.

Я смотрел на нее и чувствовал, как внутри что-то переворачивается. Она не боялась. Она вообще ничего не боялась, эта рыжая. Или боялась, но не показывала. И это притягивало сильнее любой красоты.

- Что вы пишете? - спросил я, кивая на бумаги.

- Письмо. Домой.

- Домой? - я поднял бровь. - А где ваш дом?

Она посмотрела на бумаги, и в ее глазах появилось что-то похожее на тоску.

- Мой дом далеко. Очень далеко. Я знаю, что письмо не дойдет. Но писать легче.

Я подошел ближе. Остановился у стола. Посмотрел на бумаги - странные знаки, не похожие ни на один язык, который я знал.

- Вы... Ты не отсюда, - сказал я. Это не было вопросом.

- Нет. - Она подняла на меня глаза. - Я из другого мира. Попала сюда случайно, три года назад. И до вчерашнего дня жила одна, работала, копила деньги, чтобы попытаться как-

то вернуться. А теперь... - она усмехнулась. - А теперь у меня есть вы двое.

- Ты потратила все на эльфа?

- Почти все.

Я смотрел на нее и не понимал. Совсем. Зачем? Зачем тратить последние деньги на раба, который мог убить ее в любой момент? Зачем селить его в комнате рядом со спальней? Зачем смотреть на нас так, будто мы люди, а не вещи?

- Ты странная, - сказал я.

- Я знаю.

Мы замолчали.

- Ты пришел не просто посмотреть, - наконец, сказала она наконец. - Что тебе нужно, Кай?

Я мог бы соврать. Я всегда врал. Это было мое оружие, моя защита, моя жизнь. Но глядя в ее зеленые глаза, я почему-то не смог.

- Я хочу понять, - сказал я честно. - Кто ты. Зачем ты это делаешь. Чего ты хочешь от нас.

Она встала. Подошла ко мне. Очень близко.

- Я не знаю, чего я хочу, - сказала она тихо. - Я никогда не планировала иметь рабов. Я никогда не думала, что буду кем-то владеть. Это не мой мир, не мои правила. Но вы здесь. И вы мои. И я должна решить, что с этим делать.

Она подняла руку и коснулась моего лица. Провела пальцем по щеке, по скуле, остановилась на губах.

- Ты устал улыбаться, - сказала она. - Я вижу. Но ты про-

должаешь, потому что не знаешь, как иначе.

У меня перехватило дыхание. Никто никогда не говорил мне такого. Никто никогда не видел.

- Откуда ты знаешь? - прошептал я.

- Потому что я тоже устала, - ответила она. - Притворяться, что я сильная. Что я знаю, что делаю. Что я справлюсь. Мы все устали, Кай. Просто не все это показывают.

Она убрала руку. Отступила на шаг.

- Иди спать. Завтра будет трудный день. Нам всем нужно привыкнуть друг к другу.

Я стоял, не в силах двинуться с места. Смотрел на нее и чувствовал, как что-то ломается внутри. Та стена, которую я строил сто лет, - трещала по швам.

- Лидия, - сказал я, впервые называя ее по имени. - Ты опасна.

- Почему?

- Потому что ты заставляешь меня хотеть верить.

Она улыбнулась. Настоящей улыбкой, от которой у меня сердце пропустило удар.

- Это не опасно, Кай. Это и есть жизнь.

Я ушел. Вернулся в свою комнату в западном крыле. Лег на кровать. Я думал о ней. Рыжая. Зеленые глаза. Веснушки на носу. Женщина, которая видела сквозь мою улыбку.

А еще я думал об императрице. О задании. О свободе, которая ждет меня в конце. И впервые за сто лет я не знал, что выберу, когда придет время.

Глава 5

Лидия

Я проснулась и вспомнила. Иллирион. Кай. Два эльфа в моем доме. Две судьбы, которые я приобрела вчера. Две пары фиолетовых глаз, смотревших на меня с таким разным выражением - один с ненавистью, другой с фальшивой улыбкой.

Я села в постели, откинула волосы с лица и посмотрела на дверь, ведущую в комнату Иллириона. Там было тихо. Слишком тихо для эльфа, который сто лет только и делал, что ждал момента для убийства.

- Не думай об этом, - сказала я вслух. - Думай о деньгах.

Деньги были проблемой. Большой проблемой. Я накинула халат - тот самый, тонкий, в котором вчера ходила перед Каем, и который сегодня казался мне почти неприличным, - и спустилась в кабинет. Шкатулка стояла на месте, в тайнике за картиной. Я открыла ее и почувствовала, как внутри все сжалось.

Тысяча золотых. Потрачено. Половина всего, что я заработала за три года каторжного труда, отказывая себе во всем, работая ночами, восстанавливая чужие сокровища. Осталось чуть больше тысячи. На жизнь, на еду, на магические расходы, на этот старый дом, который и так трещал по швам. И на двух эльфов, которых теперь надо кормить. Я закрыла

шкатулку и прислонилась лбом к холодной стене. Что я наделала?

- Госпожа считает убытки?

Голос раздался от двери, и я вздрогнула. Обернулась.

Иллирион стоял в проеме, прислонившись плечом к косяку. На нем была распахнутая чистая рубаха, что я дала надеть ему после ванны вчера, волосы он стянул в низкий хвост, открывая лицо. Лицо, на котором не было ни следа утренней расслабленности. Только настороженность и изучающий взгляд.

- Ты всегдаходишь без стука? - спросила я, пытаюсь, чтобы голос звучал ровно.

- Я не входил, госпожа. Я стою в дверях. Вы сами не закрыли кабинет.

Я промолчала. Просто смотрела на него, пытаюсь понять, что ему нужно. Он не производил впечатления того, кто пришел болтать о погоде.

- Зачем ты здесь? - спросила я прямо.

Он чуть приподнял бровь.

- Вы меня купили, госпожа. Я ваш раб. Рабы должны быть рядом с хозяйкой, разве не так? Или вы предпочитаете, чтобы я сидел в своей комнате и ждал, когда меня позовут?

- Не начинай, - отрезала я. - Я не верю в эту чушь. Говори, что на самом деле.

Иллирион помолчал. Потом шагнул в комнату, приблизился к столу и сел на стул напротив меня. Без спроса. Про-

сто сел, как равный.

- Мне нужно знать, - сказал он тихо. - Зачем вы меня купили. Правду.

- Ты мне нужен.

- Для чего?

Я смотрела в его фиолетовые глаза и понимала, что он не отстанет. Этот эльф не из тех, кто принимает ответы на веру. Сто лет рабства научили его искать подвох в каждом слове, в каждом жесте.

- Я не знаю, - ответила я честно. - Правда. Я увидела тебя на сцене и поняла, что не могу уйти. Что если я уйду, а тебя купит та стерва в лиловом, я буду жалеть об этом всю жизнь. Это все.

Он смотрел на меня. Очень долго. И в его глазах мелькнуло что-то, чему я не могла дать названия. Удивление? Недоверие? Что-то еще?

- Вы не знаете, кто она? - спросил он вдруг.

- Кто?

- Та стерва в лиловом.

- Понятия не имею. Какая-то богатая аристократка, судя по платью. А что?

Он усмехнулся - горько, криво, и от этой усмешки у меня по спине пробежал холодок.

- Это императрица, госпожа. Изабель Вайра. Правительница Эйриона.

У меня перехватило дыхание.

- Что?

- Вы перешли дорогу самой могущественной женщине империи. - Он смотрел на меня с каким-то странным выражением - будто проверял мою реакцию. - Она охотится за моей душой десять лет. С тех пор, как я убил ее любимую фрейлину. И вы взяли и купили меня прямо у нее из-под носа.

Я сидела, пытаюсь переварить услышанное. Императрица. Та женщина в лиловом, которая смотрела на меня с такой ненавистью, - императрица. Я перешла дорогу правительнице.

- Боги, - выдохнула я. - Я идиотка.

- Возможно, - согласился Иллирион. - Но теперь это не важно. Важно то, что она не простит. Будет мстить. Вопрос только - когда и как.

Я посмотрела на него. На его спокойное лицо, на котором не было ни страха, ни паники. Только принятие.

- Ты не боишься?

- Я ничего не боюсь, госпожа, - ответил он. - Я сто лет только и делаю, что жду смерти. Мне терять нечего.

- А мне есть что терять, - сказала я тихо.

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на... сочувствие? Но тут же исчезло.

- Тогда вам нужно думать, как выжить, госпожа. И для этого вам нужны деньги.

- Ты подслушивал?

- Вы не закрываете дверь, - повторил он. - Я слышал, как вы считали монеты. У вас проблемы.

- Это не твое дело.

- Это мое дело, - возразил он спокойно. - Если вы разоритесь, нас выгонят из дома. А меня продадут. Скорее всего - той же императрице. Я не хочу к ней, госпожа.

В его голосе не было тепла. Это был чистый расчет. Он просчитывал риски и понял, что его выживание напрямую зависит от моего финансового благополучия.

- Ты предлагаешь помочь мне с деньгами? - уточнила я.

- Я сильнее многих эльфов. Могу таскать тяжести, носить доски, чинить крышу. Не знаю, что там нужно. Но я могу быть полезен.

Он говорил это так, будто обсуждал деловое предложение. Ни капли эмоций. Только расчетливый ум, который за сто лет научился использовать любую возможность.

- Хорошо, - сказала я медленно. - В мастерской есть ящики с красками, которые надо переставить. И старые рамы, которые нужно спустить в подвал.

- Покажете?

- После завтрака.

- Я не ем по утрам.

- Будешь.

Он посмотрел на меня с легким раздражением, но спорить не стал. Просто кивнул и вышел.

Я осталась сидеть, пытаюсь переварить сразу все. Импера-

трица. Мечь. Долги. И Иллирион, который предложил помощь не потому, что проникся ко мне теплыми чувствами, а потому что я - его лучший шанс выжить.

Рационально. Логично. И от этого почему-то немного обидно.

- Доброе утро, госпожа!

Голос Кая ворвался в комнату вместе с ним самим. Он вплыл в кабинет, неся поднос с дымящимся чайником, чашками и тарелкой свежих булочек. Улыбался во весь рот, глаза сияли, и выглядел он так, будто только что выиграл в лотерею.

- Я подумал, что вы захотите завтракать, - объявил он, водружая поднос на стол. - Каша, булочки, чай. Если хотите, могу принести что-то еще. Я умею готовить. Немного. В питомнике учили - на случай, если хозяйка захочет, чтобы раб сам подавал завтрак в постель. Знаете, есть такая игра - утреннее обслуживание. Очень популярно среди аристократок...

- Кай, - перебила я. - Спасибо. Это очень мило.

Он замер, потом улыбнулся еще шире.

- Пожалуйста, госпожа. Я вообще полезный. Могу чай, могу завтрак, могу развлечь, могу... ну, вы понимаете. Все, что прикажете.

Я посмотрела на него. На его улыбку. На глаза, которые смотрели на меня с такой надеждой. Он хотел угодить. Он хотел быть полезным. Он не знал другого способа существо-

вать - только через служение, через удовольствие, которое может доставить.

- Садись, - сказала я, указывая на стул. - Пей чай. И рассказывай, что ты умеешь делать на самом деле.

- Кроме завтрака и развлечений? - он сел, наливая себе чашку.

- Кроме этого.

- Я делал арфы. - Он сказал это просто, будто речь шла о чем-то обыденном. - До войны. Моя семья делала арфы. Самые лучшие в Эйрионе.

Я посмотрела на него с новым интересом.

- Арфы?

- Да. Дерево, струны, резьба. Я умел слышать душу дерева. - Он усмехнулся. - Теперь я умею слышать только душу хозяйки. Что ей нужно, чего она хочет, как ей угодить. Тоже полезный навык.

- Кай...

- Все в порядке, госпожа. - Он отхлебнул чай. - Я привык.

В дверях снова появился Иллирион. Посмотрел на нас, на чай, на поднос. На то, как близко Кай сидит ко мне. В его глазах мелькнуло что-то - раздражение? - но он тут же спрятал это за маской равнодушия.

- Вы сказали - после завтрака, - напомнил он. - Я подожду в своей комнате.

- Иллирион, - окликнула я его. - Подожди. Садись, выпей чаю.

Он замер. Посмотрел на меня, потом на стол, потом на Кая.

- Я не пью чай с... - он запнулся.

- С кем? - Кай улыбнулся своей фальшивой улыбкой. - Со мной? Братом по несчастью? Или ты думаешь, что ты лучше меня, потому что дикий и убивал?

- Заткнись, Кай.

- Прекратите! - вмешалась я твердо. - За столом не выясняют отношения. Иллирион, садись. Кай, налей ему чаю.

Иллирион помедлил, но сел. Кай налил чай, пододвинул булочки. Они сидели напротив друг друга, и напряжение между ними было таким плотным, что, казалось, его можно резать ножом.

- Вы оба будете жить в этом доме, - сказала я. - И вам придется как-то сосуществовать. Поэтому давайте сразу договоримся: никаких драк, никаких выяснений отношений. Если есть проблемы - говорите мне. Ясно?

- Да, госпожа, - ответил Кай с готовностью.

Иллирион просто кивнул.

- Хорошо. - Я отпила чай. - Теперь о деле. У меня есть заказ - портрет эльфийки с древней магической защитой. За него хорошо платят. Но работать с ним сложно. Мне нужна помощь.

- Я чувствую магию, - сказал Иллирион. - Даже через ошейник.

- А я могу помочь с инструментами, - добавил Кай. - И с

деревом, если нужно. Я помню, как это делается.

Я посмотрела на них. Два эльфа, два таких разных, оба пытающихся найти свое место. Иллирион - через расчет, Кай - через желание угодить.

- Хорошо, - сказала я. - Сегодня идем к заказчице. Иллирион, ты со мной. Кай, ты остаешься здесь и начинаешь разбирать мастерскую. Там полный бардак, а инструменты нужны в порядке.

- Я справлюсь, госпожа, - Кай просиял. - Обещаю, вы будете довольны.

Иллирион ничего не сказал. Только кивнул и допил чай.

Леди Элинор жила в старом особняке недалеко от императорского дворца. Мы шли пешком - Иллирион на шаг позади. На нас оглядывались. Эльф-раб с рыжей хозяйкой в простом платье - зрелище непривычное. Но мне было плевать.

Леди Элинор, сухая старуха с живыми глазами, встретила нас в гостиной, уставленной древними безделушками.

- Лидия, дорогая! - пропела она, целуя меня в щеку. - Как я рада тебя видеть. А это кто? - она уставилась на Иллириона с нескрываемым любопытством.

- Мой помощник, - ответила я коротко. - Показывайте портрет, леди Элинор.

Портрет висел в дальней комнате, закрытый тканью. Когда леди Элинор сдернула покрывало, у меня перехватило дыхание. Это была женщина. Эльфийка. Настоящая эльфийка, каких я видела только на древних фресках в храме Пе-

рехода. Тонкое лицо, длинные золотые волосы, фиолетовые глаза, которые смотрели с холста с такой тоской, такой болью, что у меня защемило сердце.

- Моя прапрабабка, - вздохнула леди Элинон. - Последняя эльфийка в нашем роду. После войны ее убили, конечно, а портрет остался. Но краска портится, а я ничего не могу сделать - магия не пускает.

Я подошла ближе. Протянула руку, не касаясь. И почувствовала. Защита была живой. Тонкая, злая, выстроенная с таким мастерством, что я восхитилась. Кто бы ни писал этот портрет, он знал эльфийскую магию лучше, чем любой человек.

- Что скажешь? - спросила я тихо, обращаясь к Иллириону.

Он стоял рядом, и я видела, как напряглось его лицо.

- Она была сильной, - сказал он шепотом, чтобы не слышала леди Элинон. - Очень сильной. И очень несчастной. Защита поставлена на боли. Кто-то хотел, чтобы этот портрет никто никогда не тронул.

- Сможешь помочь?

- Попробую.

Я кивнула. Решение пришло само.

- Я возьму работу, леди Элинон. Пятьсот золотых. Половина вперед.

Старуха всплеснула руками, но спорить не стала. Через час мы вышли из особняка с задатком в двести пятьдесят

монет и тяжелым свертком под мышкой - портрет завернули в ткань, чтобы не повредить при переноске.

Иллирион нес его, даже не напрягаясь. Я шла рядом и думала о том, как странно все устроено. Вчера я боялась, что этот эльф убьет меня во сне. Сегодня мы работаем вместе, и он тащит ношу.

- Ты хорошо справляешься, - сказала я, когда мы свернули в наш переулок. - С магией. Ты правда чувствуешь?

- Да. - Он покосился на меня. - Раньше я не мог. Ошейник глушил все. Но после того, как вы коснулись меня на аукционе... что-то изменилось.

Я вспомнила этот момент. Ток, пробежавший по пальцам. Его глаза, в которых мелькнуло что-то живое.

- Я не знаю, что это было, - призналась я.

- Просто вы другая, - перебил он. - Я не знаю почему. Но вы другая. И императрица это тоже заметила.

Мы остановились у калитки. Я посмотрела на него.

- Ты думаешь, она уже что-то планирует?

- Она всегда планирует, госпожа. - В его голосе была такая уверенность, что мне стало не по себе. - Вопрос только - что именно.

- Надеюсь, мы справимся, - сказала я, стараясь, чтобы голос звучал тверже, чем я себя чувствовала.

Он посмотрел на меня долго, очень долго. Потом кивнул.

- Посмотрим.

Дома нас встретил Кай. Он стоял в мастерской, окружен-

ный разобранными инструментами, и вид у него был такой довольный, будто он построил заново весь дом.

- Госпожа! - воскликнул он, увидев меня. - Я все разобрал! Смотрите, здесь были старые кисти, их можно выбросить, здесь инструменты для резьбы, их надо заточить, а вот это - это же настоящий эльфийский резец! Я думал, такие уже не сохранились...

Он говорил и говорил, показывая мне инструменты, объясняя, что для чего нужно, и я смотрела на него и видела, как горят его глаза. Впервые за все время - настоящим огнем, не фальшивым.

- Кай, - остановила я его. - Ты молодец. Правда.

Он замер. Посмотрел на меня, и в его взгляде была благодарность.

- Спасибо, госпожа, - сказал он тихо. - Я очень старался.

- Я вижу.

Иллирион стоял в дверях, наблюдая за этой сценой. Я поймала его взгляд - в нем было что-то, чему я не могла дать названия. Не ревность.

- Иллирион, поставь портрет вон там, у окна, - сказала я. - И можете быть свободны оба. Завтра начнем работать.

Кай поклонился, улыбаясь. Иллирион просто кивнул и вышел.

А я осталась в мастерской, глядя на портрет эльфийки с печальными глазами, и думала о том, что моя жизнь только что стала намного сложнее.

Императрица, которая хочет меня убить. Два эльфа, каждый со своими тайнами. И странное чувство, что все это - только начало.

Глава 6

Иллирион

Я знал, что это случится. Не конкретно сегодня, не в этом переулке, но я знал, что мир не оставит нас в покое. Сто лет рабства научили меня одному: если у тебя появляется что-то хорошее, мир придет и отнимет это. Всегда. Вопрос только - когда.

Мы шли к леди Элинор, чтобы уточнить некоторые детали. Я находился на шаг позади хозяйки, как положено сопровождающему. Солнце садилось, переулки пустели. Я почувствовал их за минуту до того, как они выскочили.

Четверо. Люди, нанятые для грязной работы. Я видел таких сотни раз - им плевать, кого бить и зачем, лишь бы платили. Но сегодня они были здесь не просто так. Сегодня они были здесь из-за нее. Из-за рыжей, которая шла рядом со мной и даже не подозревала, что через секунду ее жизнь может оборваться.

- Лидия, - сказал я тихо. - Встань за меня.

Она обернулась, хотела что-то спросить, но в этот момент они выскочили из подворотни. Первый был здоровенный, с дубиной. Он явно целился в Лидию - может, хотел ударить, может, схватить. Я не стал ждать. Мое тело сработало быстрее, чем я успел подумать. Сто лет тренировок, сто лет ненависти, которую я копил и не мог выплеснуть, потому что

ошейник душил магию - все это вырвалось наружу в одно мгновение.

Я перехватил его руку с дубиной, вывернул, услышал хруст костей и его крик. Удар ногой в колено - он рухнул. Второй бежал с ножом. Я уклонился, схватил его за запястье, рванул на себя и головой в лицо. Хруст переносицы, кровь брызнула мне на рубашку. Третий и четвертый напали вместе. Один с цепью, другой с кастетом. Цепь обвила мою руку, рванула, но я не упал. Рванул в ответ, притянул его к себе и ударил коленом в пах. Пока он сгибался, второй попытался ударить кастетом в голову. Я увернулся, схватил его за горло и сжал.

Я смотрел в его глаза и видел в них страх. Такой же страх, какой видел в глазах своих хозяек, когда душил их. Только те заслужили. А этот просто был нанят.

- Кто вас послал? - прошипел я, сжимая горло сильнее.

Он хрипел, царапал мою руку, пытался вырваться. Я ослабил хватку ровно настолько, чтобы он мог говорить.

- Она... Императрица... она приказала... - прохрипел он. - Сказала проверить... проверить, будете ли вы защищать...

Я разжал пальцы. Он упал на колени, кашляя и хватая ртом воздух.

- Уходите, - сказал я. - Все. И передайте той, кто вас послал: если вы еще раз подойдете к моей хозяйке, я убью вас медленно. Я не шучу.

Они уползли. Оставив на камнях кровь, зубы и подтвер-

ждение моих худших подозрений.

Я повернулся к Лидии. Она стояла, прижавшись спиной к стене, и смотрела на меня. Глаза огромные, побелевшие. Я подошел. Остановился в шаге. На мне не было живого места - чужая кровь, моя кровь, грязь, пот. Я чувствовал, как горит царапина на щеке - задел кто-то из них ножом или цепью, не заметил.

- Ты в порядке? - спросил я.

- Я... да. А ты?

- Пустяки.

Она смотрела на мои руки. На них была кровь. Чужая.

- Ты убил их?

- Нет. Только покалечил.

- Но мог.

- Мог.

Она подняла глаза. В них не было страха. Не было отвращения.

- Пойдем домой, - сказала она.

Домой. Она сказала домой. Я кивнул.

Дома было тихо. Кай, кажется, возился в мастерской - доносился стук инструментов. Хорошо. Лидия провела меня в ванную. Заставила сесть на край, а сама принесла воду, чистые тряпки, какую-то мазь.

- Снимай рубашку, - сказала она.

- Госпожа...

- Снимай рубашку, Иллирион. Я должна обработать раны.

Я стянул рубашку через голову. Она порвалась в нескольких местах, пропиталась кровью и потом. Лидия смотрела на мое тело, на шрамы, покрывающие грудь и руки, и в ее глазах не было брезгливости.

Она смочила тряпку в теплой воде и начала осторожно промывать царапину на моем плече, ту, что тянулась от ключицы до середины бицепса. Я смотрел, как вода смешивается с кровью и стекает по коже, оставляя розовые разводы, а ее пальцы касались меня так бережно, будто я был сделан из стекла, будто за моей спиной не было ста лет ненависти и трех задушенных женщин, будто я имел право на эту нежность.

- Больно? - спросила она, прижигая рану какой-то вонючей мазью, от которой зашипало так, что я дернулся.

Я хотел сказать «нет», как говорил всегда, потому что за сто лет привык всегда отвечать «нет», чтобы не доставлять им удовольствия видеть мою слабость. Но с ней почему-то не хотелось врать.

- Немного, - признался я.

Она усмехнулась, и этот звук отозвался во мне странным трепетом, от которого сжималось сердце и расслаблялись мышцы, которые я всегда держу в напряжении.

- Ты был... страшен, - сказала она тихо, промокая рану на моей щеке, и я чувствовал ее дыхание на своей коже.

- Испугалась?

- Нет. - Она подняла глаза, и в этом зеленом свете, в этих

крапинках, которые я разглядел только сейчас, золотистых, как расплавленный мед, не было страха. - Я никогда не видела, чтобы кто-то так защищал. Меня.

- Их послала императрица, - перебил я.

Лидия замерла. Смотрела на меня, переваривая информацию.

- Она проверяла, - продолжил я. - Хотела увидеть, буду ли я тебя защищать. Хотела знать, насколько ты для меня важна.

- И что она теперь поймет?

- Что я буду защищать, - сказал я тихо.

Она промолчала.

- Иллирион, - сказала она наконец. - Ты не должен рисковать жизнью.

Я не выдержал. Схватил ее за запястье, притянул к себе. Она вскрикнула, уперлась свободной рукой мне в грудь, чувствуя, как под ладонью бешено колотится сердце.

- Лидия, - выдохнул я, и в этом выдохе было все: адреналин, не прошедший до конца, страх за нее, злость на себя за то, что не убил тех ублюдков, и желание, дикое, первобытное, от которого темнело в глазах. - Ты должна уйти. Сейчас. Потому что, если ты останешься, я не смогу остановиться. Я не умею быть нежным. Я умею только брать. Я сделаю больно.

Она посмотрела мне в глаза.

- А если я хочу, чтобы ты брал? - спросила она. - Если я

не хочу нежности? Если я хочу тебя - настоящего, со всей твоей болью, со всем, что ты копил столько лет?

Я смотрел на нее и не верил. Не мог поверить, что такое бывает. Что кто-то может хотеть меня такого - опасного, полубезумного от ненависти.

- Ты не понимаешь, - сказал я хрипло. - Я могу сделать очень больно. Я не знаю, как иначе.

- Мне все равно, - произнесла она.

Это было последнее, что я слышал перед тем, как мой рот нашел ее губы. Я целовал ее жадно, грубо, голодно, вкладывая в этот поцелуй всю ту нежность, о существовании которой я даже не подозревал. Она отвечала - прижимаясь всем телом, плаваясь в моих руках, как воск.

Я рванул ее платье. Ткань треснула, обнажая грудь. Наклонился, впился губами в шею, чувствуя, как пульсирует под языком жилка. Мои руки скользнули по ее телу.

Я подхватил ее на руки и понес в спальню. В мою спальню. Потому что она была рядом. Опустил ее на постель и навис сверху, чувствуя, как дрожит каждая клетка тела. Она смотрела на меня снизу вверх, раскинув рыжие волосы по подушке, в разорванном платье, с раскрасневшимися губами и глазами, в которых горел огонь.

- Лидия, - прошептал я. - Если будет больно, скажи. Я остановлюсь.

- Не надо останавливаться, - ответила она. - Ни за что.

Моя ладонь скользнула между ее ног и ощутила влажные

складки, раскрытые для ласк. Нащупал набухший бугорок и нажал на него, вызывая ее стоны. Ее плоть трепетала вокруг моих пальцев, и я не мог больше удерживать свою возбужденную плоть. Я вошел в нее резко, одним толчком, и она вскрикнула. Замер на мгновение, чувствуя, как ее тело сжимается вокруг меня. Потом начал двигаться. Медленно, глубоко. Я наблюдал, как моя плоть входит в нее, выходит, входит снова, и от этого зрелища у меня темнело в глазах. Я чувствовал каждый миллиметр этого невероятного, невозможного соединения. Ее внутренние мышцы пульсировали вокруг меня, подталкивая, требуя большего.

- Быстрее, - выдохнула она.

Толчки стали глубже, резче, быстрее. Я вбивался в нее с силой, от которой кровать ходила ходуном, она вскрикивала при каждом движении, царапая кожу на спине ногтями. Я был в ней и чувствовал каждое сокращение мышц.

- Да, - выдыхала она в ритм толчкам. - еще...

Я наклонился и поцеловал ее - жадно, грубо, кусая губы, шею, соски, заявляя права на каждую клетку ее тела. Мои руки сжали ее бедра, поднимая выше, меняя угол, чтобы войти еще глубже. Я ласкал ее грудь, ягодицы, везде, до куда мог дотянуться, будто хотел выпить ее всю, без остатка, будто боялся, что она исчезнет, если хоть на миг перестану касаться.

Я чувствовал, как внутри нарастает напряжение, как приближается разрядка, как тело начинает жить своей жизнью,

подчиняясь только ритму, только глубине проникновений. Каждый толчок посылал волны удовольствия по всему телу, от паха до макушки, от кончиков пальцев на ногах до корней волос, стирая мысли, оставляя только ощущения.

Она закричала, и ее внутренние мышцы сжались вокруг меня в ритмичных спазмах, выбивая из меня последний здравый смысл. Это было слишком. Я кончил со стоном, вжимаясь в нее так глубоко, как только мог, чувствуя, как горячая волна разливается по телу, заполняя пустоты, о существовании которых я даже не подозревал.

- Иллирион, - прошептала она. - Ты как?

Я поднял голову.

- Я не знаю, - ответил я честно. - Я никогда... никто не спрашивал меня, как я.

Я помолчал, собирая мысли, которые разбегались, как тараканы.

- Я чувствую... - я запнулся, подбирая слова. - Я чувствую, что жив. По-настоящему жив.

Она улыбнулась, провела пальцем по моей щеке, стирая пот, который я сам не заметил.

- Это хорошо.

- Ты... - я сглотнул. - Тебе было хорошо? Правда? Я не сделал больно?

- Было больно, - призналась она. - Сначала. Когда ты вошел. Но потом... потом было так хорошо, что я чуть не умерла.

- Прости.

- Не смей извиняться. - Она прижалась ко мне, уткнулась носом в грудь. - Я сама этого хотела. И я хочу еще.

- Когда?

- Не сейчас. - Она зевнула. - Сейчас я хочу спать. С тобой.

- Я не умею спать с кем-то, - признался я. - Я всегда один.

- Сегодня будешь со мной, - ответила она, уже засыпая. -

И никуда не денешься.

Я смотрел на нее, на разметавшиеся рыжие волосы, и думал о том, что, может быть, она права. Может быть, я могу научиться быть нежным. Может быть, с ней я смогу все. А еще я думал об императрице. О том, что она теперь знает - Лидия для меня не просто хозяйка. Я прижал ее крепче, закрыл глаза и поклялся себе, что никогда, никому не позволю причинить ей боль. Даже если для этого придется убивать снова и снова.

Утром я проснулся от того, что в комнату кто-то вошел. Мгновенно напрягся, готовый к атаке, но тут же расслабился - это был Кай. Он стоял в дверях, держа поднос с завтраком, и смотрел на нас. На меня. На Лидию, спящую в моих объятиях. На разбросанную одежду. На метки, которые я оставил на ее шее. На его лице мелькнуло что-то - боль? зависть? - но он тут же спрятал это за улыбкой.

- Доброе утро, - сказал он тихо, чтобы не разбудить ее. - Я принес завтрак. Подумал, что вы... что вы проголодаетесь.

Я кивнул. Он поставил поднос на стул и вышел так же ти-

хо, как вошел. Я посмотрел на Лидию. Она спала. Это был первый день моей новой жизни. Я не знал, что он принесет. Но знал одно: я буду драться за нее. До последней капли крови. До последнего вздоха. Потому что теперь она была моей. А я никому не отдаю свое. Никогда.

Глава 7

Кай

Я слышал их ночью. Не специально, стены в этом старом доме были тонкими, а эльфийский слух - слишком острым. Я слышал ее стоны, его рычание, скрип кровати. Я лежал и сжимал кулаки, и говорил себе, что это не имеет значения. Что я привык. Что я всегда был вторым. Что мое дело - угождать, улыбаться, делать свою работу, а не чувствовать. Но чувства были. Они разъедали изнутри, как кислота, оставляя после себя пустоту и боль, которых я не знал даже в самые страшные годы в питомнике.

Утром я встал раньше обычного, приготовил завтрак - кашу, булочки, чай, все как учили, - и понес наверх. Я знал, что увижу. Знал, что она будет в его комнате. Знал, что увижу следы их ночи. Но надеялся, что справлюсь, что улыбка не дрогнет, что голос не выдаст. Я ошибся. Когда я вошел и увидел их - ее, спящую в его объятиях, разметавшиеся рыжие волосы по его груди, метки на ее шее, которые он оставил, - у меня внутри что-то оборвалось. Я поставил поднос, улыбнулся, сказал какие-то правильные слова и вышел. А в коридоре прислонился к стене и замер, пытаюсь вспомнить, как дышать.

Она дала мне задание - разобрать мастерскую, привести в порядок инструменты, сделать новую раму для портрета.

Работа. Хорошо. Работа помогала не думать.

Я спустился в мастерскую и замер на пороге. Это было царство хаоса. Старые рамы, ящики с красками, рулоны холстов, инструменты, разбросанные в беспорядке, кисти, засохшие до состояния камня, банки с растворителями, пахнущими так, что голова кружилась. Но среди всего этого мусора, в углу, прикрытое тряпкой, стояло что-то большое. Я подошел ближе. Откинул тряпку. И у меня перехватило дыхание. Арфа. Настоящая эльфийская арфа. Старая, очень старая, покрытая пылью и паутиной, с потрескавшимся лаком и лопнувшими струнами. Но я узнал бы ее среди тысячи. Это была работа моего отца.

Я упал на колени перед арфой и протянул руку, чтобы коснуться дерева. Оно было мертвым, но под пальцами я чувствовал то, что не мог объяснить словами - душу. Душу, которая ждала, когда ее вернут к жизни.

- Папа, - прошептал я, и голос мой дрогнул. - Ты здесь. Ты все еще здесь.

Я не знаю, сколько времени просидел так, глядя на арфу, вспоминая. Отца - с его вечно испачканными лаком руками и доброй улыбкой. Мать - которая пела, аккомпанируя себе на арфе, и смеялась так звонко, что птицы замолкали, чтобы послушать. Сестру - маленькую, тоненькую, с косичками до пояса, которая пыталась учиться играть, но вечно путала струны и злилась, топала ногами, а потом забиралась ко мне на колени и просила: "Кай, покажи еще раз, ну покажи..."

Я не заметил, как по щекам потекли слезы. Я не плакал сто лет. Эльфы из питомников не плачут - их учат улыбаться, а слезы забирают силу, забирают красоту, забирают товарный вид. Но здесь, в этой пыльной мастерской, перед арфой моего отца, я позволил себе плакать. Впервые за сто лет.

- Кай?

Я вздрогнул, быстро вытер лицо, обернулся. В дверях стояла Лидия. Смотрела на меня, и в ее глазах не было жалости - было понимание.

- Госпожа, - сказал я, вскакивая, натягивая улыбку. - Простите, я не слышал, как вы вошли. Я уже начал разбирать, тут много работы, но я справлюсь, обещаю...

- Кай, - перебила она мягко. - Перестань.

- Что, госпожа?

- Улыбаться. Перестань улыбаться. Я же вижу, что ты плакал.

Улыбка сползла с моего лица. Я стоял перед ней, беспомощный, открытый, не знающий, что делать, когда не нужно играть роль.

- Это... это арфа моего отца, - сказал я тихо. - Я узнал ее. Он делал такие. Лучшие в Эйрионе.

Лидия подошла ближе. Остановилась рядом со мной, глядя на арфу.

- Она красивая, - сказала она. - Даже сейчас, старая и сломанная, она красивая.

- Ее можно отреставрировать, - вырвалось у меня. - Я мо-

гу. Я помню, как он это делал. Я могу вернуть ей жизнь.

Я говорил и сам не верил, что говорю это. Прошу разрешения. Прошу возможности. Прошу хоть что-то, что будет моим, настоящим, не купленным и не проданным. Лидия посмотрела на меня.

- Ты хочешь этим заняться?

- Да, госпожа. Очень хочу.

- Тогда займись. - Она улыбнулась - той улыбкой, от которой у меня сердце пропускало удар. - Это теперь твоя мастерская. Делай что хочешь.

Я смотрел на нее и не верил. Моя мастерская. Моя работа. Мое.

- Спасибо, госпожа, - прошептал я. - Спасибо.

Она кивнула и вышла. Я смотрел ей вслед, чувствуя, как внутри разливается что-то теплое, о чем я давно забыл. Благодарность? Надежда? Любовь? Я не знал. Повернулся к арфе. Провел пальцами по дереву, по трещинам, по остаткам резьбы. И начал работать.

Первые несколько часов я просто разбираю завалы, освобождая место. Выкидывал старые, никому не нужные вещи, сортировал инструменты, раскладывал их по полкам. Работа помогала успокоиться, войти в ритм, перестать думать о том, что происходит наверху.

Потом я приступил к арфе. Осторожно, боясь повредить, снял остатки старых струн. Осмотрел корпус - трещины были неглубокими, дерево не рассохлось, значит, можно было

спасти. Резьба на деке - листья и цветы, эльфийские узоры, которые я помнил с детства, - местами стерлась, но основные линии сохранились.

Я работал и вспоминал. Как отец учил меня чувствовать дерево. "Оно живое, Кай, - говорил он. - Оно дышит. Твоя задача - не сломать его дыхание, а помочь ему звучать". Как мать смеялась, когда я в первый раз сам сделал маленькую арфу и она зазвучала - фальшиво, но зазвучала. Как сестра крутилась рядом и мешала, требуя, чтобы я научил ее тоже.

Я работал и плакал. Снова. Но теперь это были не слезы боли - это были слезы памяти. Слезы по тем, кого я потерял. Слезы благодарности за то, что хоть что-то от них осталось.

- Ты долго здесь.

Голос раздался от двери, и я вздрогнул. Обернулся. В дверях стоял Иллирион, прислонившись плечом к косяку. Смотрел на меня, на арфу, на мои руки, перепачканные пылью и лаком.

- Что тебе нужно? - спросил я.

- Ничего. - Он вошел, остановился рядом, глядя на арфу.

- Просто пришел посмотреть. Ты правда умеешь это делать?

- Умел когда-то. Сто лет назад.

- А сейчас?

- Не знаю. Пытаюсь вспомнить.

Он помолчал. Потом спросил:

- Тяжело?

- Что?

- Вспоминать.

Я посмотрел на него. На его лицо, на котором застыла маска равнодушия, но в глазах было что-то живое. Понимание.

- Тяжело, - признался я. - Но хорошо. Понимаешь? Хорошо - помнить.

Он кивнул. Помолчал. Потом сказал:

- Я тоже пытаюсь вспомнить. Своих. Лес. Как пахло утром. Как мать звала завтракать. - Он усмехнулся горько. - Не получается. Только ненависть помню.

- Ненависть - тоже память, - ответил я. - Просто другая.

Мы стояли рядом, два эльфа, два таких разных, и между нами впервые не было напряжения.

- Она хорошая, - сказал вдруг Иллирион. - Лидия. Я не хотел, чтобы так вышло. Не хотел, чтобы ты страдал.

Я посмотрел на него. Усмехнулся.

- Ты думаешь, я страдаю из-за тебя? Нет, брат. Я страдаю из-за себя. Из-за того, что не умею быть первым. Из-за того, что привык быть вторым. Это не твоя вина.

Он нахмурился.

- Ты не второй.

- А кто? - спросил я. - Ты был с ней ночью. Я - нет. Ты ей нужен как мужчина. Я - как... я не знаю, как кто. Как улыбка. Как развлечение. Как мастер по арфам.

- Ты ей нужен, - сказал Иллирион твердо. - Я видел, как она на тебя смотрит.

- Как?

- Как на... - он запнулся, подбирая слова. - Как на того, кого тоже хочет. По-своему.

Я покачал головой, возвращаясь к арфе.

- Не важно. У меня есть работа. Это сейчас главное.

Иллирион помолчал. Потом произнес.

- Если что - я не против.

- Чего не против?

- Тебя. Рядом с ней. Если она захочет.

Я замер. Повернулся к нему.

- Ты серьезно?

- Я не умею делиться, - ответил он честно. - Но я умею видеть. Она не будет счастлива, если ты будешь страдать. А я хочу, чтобы она была счастлива. Даже если для этого придется... привыкать.

Я смотрел на него и не верил. Иллирион - дикий, ненавидящий всех, убивший трех хозяек - предлагал мне... что? Мир? Братство? Возможность?

- Ты странный, - сказал я.

- Она так и говорит. - Он усмехнулся. - Мы оба странные.

Потому и здесь.

Он развернулся и вышел, оставив меня одного с арфой и мыслями, которые кружились в голове, как листья на ветру.

Я работал до вечера. Не заметил, как пролетело время. Очистил корпус, зашлифовал трещины, подобрал дерево для заплат. Арфа оживала под моими руками, и вместе с ней оживал я.

Когда стемнело, я услышал шаги. Легкие, быстрые - ее.

- Кай? - Лидия заглянула в мастерскую. - Ты еще здесь?

Уже поздно.

- Да, госпожа. Работаю.

Она подошла, встала рядом, глядя на арфу.

- Прогресс есть?

- Есть. - Я показал ей очищенный корпус. - Видите? Она будет как новая.

- Ты молодец. - Она коснулась моего плеча, и от этого прикосновения по коже побежали мурашки. - Правда молодец.

Я замер. Не смел пошевелиться, боясь спугнуть момент. Она стояла рядом, и я чувствовал ее запах, ее тепло, ее присутствие.

- Кай, - сказала она тихо. - Ты голоден? Я принесла ужин.

Только тогда я заметил корзинку в ее руке.

- Госпожа, не стоило...

- Стоило. - Она поставила корзинку на стол, достала хлеб, сыр, фрукты. - Ты работал весь день. Заслужил.

Мы сели на пол, прямо там, в мастерской, и ели, глядя на арфу. Молчали, но молчание было уютным, не напряженным.

- Расскажи мне о ней, - попросила Лидия. - Об арфе. О том, как ты ее делал.

И я рассказал. О питомнике не рассказывал - об отце, о матери, о сестре. О том, как пахло деревом в мастерской. О том, как звучала первая струна, натянутая правильно. О том,

как отец гордился мной, когда я сделал свою первую арфу.

Она слушала. Не перебивала. Смотрела на меня, и в ее глазах было столько тепла, что у меня сердце сжималось.

- Ты был счастлив, - сказала она, когда я закончил.

- Был.

- Будешь снова. Я обещаю.

Я посмотрел на нее. На ее рыжие волосы, освещенные магическим светильником. На губы, которые она кусала, когда думала.

- Госпожа, - прошептал я. - Можно вас спросить?

- Спрашивай.

- Почему вы это делаете? Почему вы так с нами? Мы же рабы. Мы вещи. Нас покупают и продают. А вы... вы разговариваете. Слушаете. Кормите ужином. Зачем?

Она помолчала. Потом ответила:

- Потому что в моем мире нет рабов. Потому что я не могу смотреть на человека - на эльфа - и видеть вещь. Потому что вы оба... вы живые. Вы чувствуете. Вы страдаете. Вы заслуживаете большего, чем быть чьей-то игрушкой.

Я смотрел на нее и чувствовал, как внутри тает лед.

- Вы опасны, госпожа, - сказал я тихо. - Вы заставляете верить.

- Это не опасно, Кай. Поверь.

Она протянула руку и коснулась моего лица.

- Ты устал, - сказала она. - Иди спать. Завтра будет новый день.

- А вы?

- Я посижу еще немного. Подумаю.

Я кивнул, встал. На пороге обернулся.

- Госпожа. Спасибо. За все.

Она улыбнулась - той самой улыбкой, ради которой хотелось жить.

- Иди уже, мастер.

Я вышел, чувствуя, как внутри пульсирует что-то новое, сильное, светлое. Надежда. Впервые за сто лет - надежда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.